

творный текст прозаических фрагментов, сближает его с документально-бытовыми (дневниковыми, мемуарными) записями.

¹⁰ В связи с братом Федором в прозаической части сборника обнаруживается фольклорно-мифологический сюжет: «Федю похоронили <...> а поминки почему-то не справили. Видимо, по той или иной причине вскоре у Егора Макаровича [отца] «пропала» лошадь. Как говорят в народе: «Покойник свое возьмет»».

¹¹ Очевидна установка Екатерины Егоровны на «собрание семей», проявляющаяся в том, что она неоднократно признает «своими» тех детей отца, которых игнорировала ее мать; приписка в скобках, помогающая отыскать могилу

«внебрачного» Николая, сделана, по всей видимости, в надежде, что многочисленные родственники будут поминать и его.

Литература

1. Дубровская Е. Ю. Чудесное и повседневное в памяти участников Первой мировой войны (по фольклорным источникам из научного архива КНЦ РАН) // Рябининские чтения — 2015: Материалы VII науч. конф. / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 280–283.

2. Зайцева Е. Полевика вымерли, как динозавры? // Пермские новости. 1997. № 48. С. 4.

3. Князева Е. А. Биографический курс в «наивной» поэзии Екатерины Зверевой // Филология в XXI веке: методы,

проблемы, идеи: Материалы III Всерос. науч. конф. / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2015. С. 282–287.

4. Словарь пермских говоров. Вып. 2 (О–Я). Пермь, 2002.

5. Сперанская А. Н. Семейные рассказы: устная и письменная реализация замысла // Наивная литература. Шаг третий: Тезисы докладов науч. конф. М., 2014 (http://www.ruthenia.ru/folklore/2014_conf_naiv_abstracts.doc).

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14–14–59009а(р) «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».

Борис Вадимович Кондаков,

доктор филол. наук

Мария Валерьевна Курочкина,

инженер кафедры русской литературы

Пермский гос. нац. исследовательский ун-т

«НАИВНАЯ» ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА ГЕОРГИЯ БАШКИРЦЕВА: ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ

В архиве лаборатории «Фольклор Прикамья» филологического факультета ПГНИУ хранится полевой дневник фольклорной практики, в котором помимо вполне традиционных текстов присутствует большой фрагмент оригинального социально-политического манифеста, написанного жителем с. Осинцево Кишертского района Пермской области (сейчас — Пермского края) Г. Я. Башкирцевым. Ему же принадлежат сохраненные в дневнике тексты предполагаемых публичных выступлений, в которых излагались его взгляды на политику и историю, а также несколько стихотворений; записана и краткая биография создателя этих произведений¹.

С Георгием Яковлевичем Башкирцевым один из авторов этого материала, являвшийся руководителем студенческой фольклорной экспедиции, которая проводилась в Кишертском районе, познакомился в 1984 г. Местный «мыслитель» и «поэт» сам пришел в школу (участники экспедиции, как правило, респондировались в местной школе) на шестой день фольклорной практики (т. е. тогда, когда уже все в округе знали о приезде студентов). Беседу он начал с риторического вопроса: «Как вы думаете, умеет ли украинец бороться за мир? Знаете ли вы вообще, как надо бороться за мир?» — и сам на него ответил: «Украинец болтает и врет много, сам не понимает, что и для чего делает, а я знаю, что всем нам нужно делать» (как

позже выяснилось, под «украинцем» Г. Я. Башкирцев имел в виду «товарища» К. У. Черненко, являвшегося тогда Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР). С собой неожиданный гость принес довольно большую стопку старых ученических тетрадей, заполненных его размышлениями (одна из тетрадей, например, имела название «Программа мира», другая — «Речь перед японским народом», в ней было записано предполагаемое выступление перед жителями пострадавших от американской атомной бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки), и стихотворениями. Судя по содержанию и состоянию тетрадей, а также по тому, что записи были сделаны перьевой ручкой, основная часть рукописей была создана в 1940–1950-е гг.²

Из беседы с хозяином тетрадей выяснилось, что Георгий Яковлевич Башкирцев родился в 1917 г. (на момент встречи ему было уже 67 лет), закончил начальную школу у себя в деревне (т. е. был для своего времени достаточно грамотным человеком). Его отец и мать были бедными крестьянами. Возможно, его семья прошла через процедуру раскулачивания и была насильно переселена в Сибирь; родители, понимая, что обратно, скорее всего, никогда не вернутся, сумели каким-то образом передать своих несовершеннолетних детей дальним родственникам или соседям³. Во второй половине 1930-х гг. Г. Я. Башкирцев (по его словам) служил

во внутренних войсках в Ленинграде. Вероятно, тяжелая служба сказалась на состоянии здоровья, потому что на фронт во время Великой Отечественной войны его не взяли, и после возвращения в домой он практически безвыездно жил в с. Осинцево.

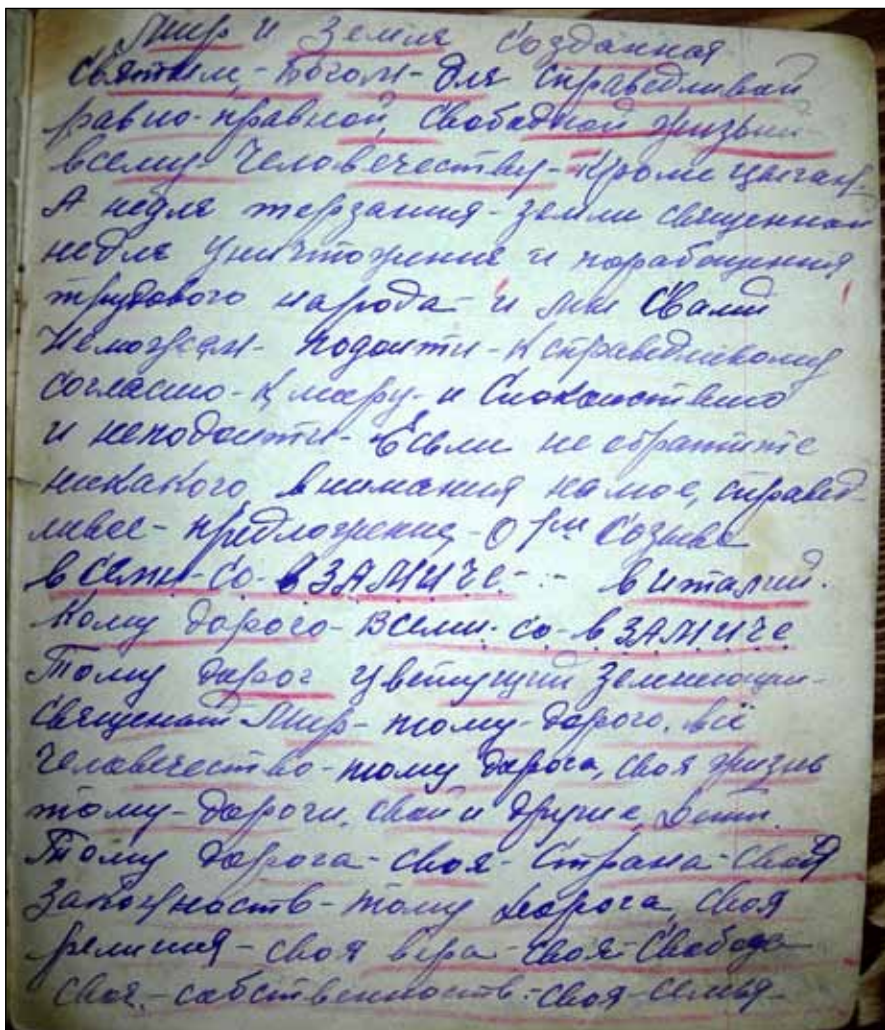
В селе про Георгия Яковлевича говорили, что он «немного не в себе, но умный», и это весьма показательная характеристика: так в русских деревнях обычно называют людей, отличающихся по своему поведению и взглядам от «типичного большинства». Можно, наверное, сделать вывод, что временами для Г. Я. Башкирцева было характерно так называемое «пограничное состояние», у него проявлялось, по-видимому, нечто вроде мании преследования. Однако его утопическая концепция переустройства мира, оригинальные (расходящиеся с ортодоксальными) взгляды на прошлое и современное состояние «советского» (российского) общества, хорошо известные родственникам и некоторым односельчанам, вызывали у окружающих уважение и делали его значимой фигурой в местном микросоциуме⁴.

Следует отметить, что в «Программе мира» — своеобразном «наивном» социально-политическом манифесте или трактате — Г. Я. Башкирцев, естественно, позиционировал себя в качестве идеолога и реформатора, а вовсе не литератора: «Я крестьянин-христианин = вот такая моя ато биография [автобиография]. Я неумею много говорить, я неумею — здря — болтать, хвастать — потому что я ненаемный аратор — от коммунистической партии = я посланец народа всех стран⁵. Соответственно и свою рукопись Г. Я. Башкирцев передал участникам экспедиции, вероятнее всего, потому, что предполагал, что люди «из города» помогут популяризовать его взгляды и, может быть, опубликовать его труды или устроить ему какую-нибудь «встречу на высшем уровне».

Имеет смысл вкратце описать программу борьбы за мир, изложенную

в рукописях Г. Я. Башкирцева. Согласно этой программе, для достижения мира во всем мире необходимо, прежде всего, созвать в Италии (или Бельгии, или Норвегии, или Швеции) Всемирное собрание в защиту мира и человечества (ВсемиСовЗАМИЧЕ), председательствовать на котором должен Народный Комиссар всемирной безопасности. Звание Народного Комиссара всемирной безопасности Г. Я. Башкирцев был готов принять на себя и даже подготовил проект приказа о своем назначении на эту должность от имени Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршёльда⁶, а также разработал детальный план своей работы в должности и размер положенного ему довольствия⁷. Более того, Г. Я. Башкирцев доказывает, что именно он лучше всего подходит для выполнения функции Народного Комиссара, поскольку, во-первых, он очень сильно «пострадал от советской власти» (вероятнее всего, имеется в виду то, что его родители были раскулачены), а во-вторых, является прямым идейным «наследником» первого поколения советских лидеров и комиссаров. Далее автор называет себя «народным защитником» и перечисляет своих идейных предшественников, подчеркивая, что звание Народного Комиссара — это «звание народное завоеванное народом по инициативе Ленина — Рыкова — Троцкого — М. И. Калинина — Зиновьева — Бухарина — Ягоды — Каменева — Орджоникидзе — С. М. Кирова — Дзержинского — Пятакова — Тухачевского — Фрунзе — Блюхера — К. Е. Ворошилова⁸ — Буденного — Котовского — Д. Фурманова — 19 Бакинских комиссаров (имеются в виду, разумеется, 26 бакинских комиссаров. — Б.К., М.К.) и других наших командиров и комиссаров».

Центральной фигурой для Башкирцева, впрочем, остается Владимир Ильич Ленин (зачастую в связке с супругой — Надеждой Константиновной Крупской⁹). Вероятно, образ Ленина закрепился в сознании нашего автора еще в детстве, пришедшемся на 1920-е гг. Именно в это время (а особенно после смерти вождя в 1924 г.) постепенно развивался культ Ленина¹⁰, которому вполне соответствует образ, встречающийся у Г. Я. Башкирцева и отражающий народные представления о «вожде мирового пролетариата». «Я не коммунист и не знаменитый ученый — не студент. Я самый простой человек, как Ленин, С. М. Киров», — пишет о себе Башкирцев. Такую трактовку образа Ленина — как «самого простого человека» — исследователи считают характерной именно для «наивного» (народного или детского) сознания [3; 8]. Более того, образ «обыкновенного человека» Ильича конструировался советской идеологической пропагандой сознательно, прежде всего с оглядкой

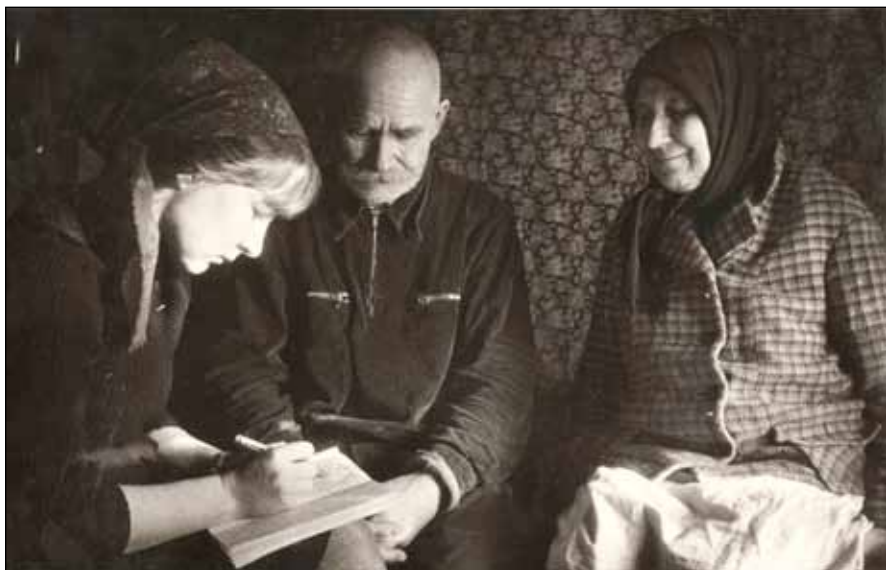

Страница из манифеста Г. Я. Башкирцева

именно на детей [6], малограмотных крестьян и рабочих.

В число своих идейных вдохновителей и предшественников, помимо Ленина, его соратников и видных деятелей культуры 1920–1930-х гг., Башкирцев включает еще и родственников вождя: «Но я — рано или поздно, помру народный

комиссар Мировой безопасности... как умер Ленин-Ульянов Вл. Ильч., Крупская, М. Ильинишна, А. Ильинишна, О. Ильинишна, Тротский, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, М. Горький, А. Горький, Фурманов». В числе прочих здесь перечислены сестры Владимира Ильича: Анна, Мария и Ольга, — при

Студентка беседует с сельскими жителями. 1980-е гг. Фото из архива Словарного кабинета филологического факультета ПГНИУ

том, что революционная и партийная деятельность Анны и Марии была незначительной, а Ольга умерла задолго до революции. И это показательно, поскольку культ родственников великого вождя — действительно неотъемлемая, хотя и не самая важная часть культа Ленина.

Политическую позицию автора нельзя назвать однозначной. В рукописи Г.Я. Башкирцева встречаются рассуждения о «двух зверях — коммунизме и капитализме»; при этом он пишет, например, что коммунизм становится «внесколько раз враждебнее к народу = чем капитализм», когда превращается в «оппортунизм»; работы К. Маркса и Ф. Энгельса он называет политикой «хитроумного философства». Себя Башкирцев считает сторонником «ленинского коммунизма» и одновременно, по-видимому, верующим человеком (не случайно он отмечает, что перед началом ВсемиСОВЗАМИЧЕ «должно произходить бого-служение во всех странах по ихней, собственной вере»). Разочарование в коммунизме наступило у Г.Я. Башкирцева, вероятнее всего, во время службы во внутренних войсках: конец 1930-х гг. в Ленинграде — это время так называемого «кировского потока» — масштабных репрессий, последовавших за убийством С.М. Кирова. На случай, если «наше Правительство СССР» все-таки решит «расстрелять» автора данного манифеста, он просит хотя бы «пропустить» его предложения в ООН, Индию, Японию и Америку, чтобы помочь их народам.

В сущности, «Программа мира» и «Речь перед японским народом», написанные Г.Я. Башкирцевым, — это своего рода проект социально-политического и экономического мироустройства, который базируется, с одной стороны, на народных представлениях, а с другой — на коммунистической идеологии. К примеру, государство автор рассматривает как одну большую семью, одно большое хозяйство, каждый член которого должен слушать «старшего хозяина», а общество организовано на основании принципа самоуправления.

В стихотворных и прозаических текстах Г.Я. Башкирцева мы встречаем отражение не только идеологии 1920–1930-х гг., но и хронологически более поздние (относимые к периоду 1960–1970-х гг.) идеи «борьбы за мир» и противостояния гонке вооружения времен холодной войны. Несмотря на то что их автор после возвращения со службы из Ленинграда, скорее всего, весьма редко покидал пределы Кишертского района, он неплохо разбирался в политической ситуации благодаря газетам и радио. Все принятые меры по предотвращению конфликта между СССР и США он отменяет как недостаточно эффективные: «Никакая Ансблея не Лига наций ни-

какое сборище в Совете безопасности, никакие, — буржуазные, договора ни, знаменитые над-писи — не сладкие, обеды, и выпивки <...> Ни какие — всемирные Советы безопасности — разружений — не приостановят эту всемирную войну атома... Никакие переговоры на Высшем Уровне не выведут — сами себя из этого тупика и не выведут все человечество из заблуждения и опасного военного положения. В этом я заверяю все страны. Ни какие араторства, наёмных знатоков в ООН не приостановят всемирную войну — лиш только — одно загуманивание мозгов всем правительствам и в вода в заблуждение весь народ в бессмысленную философию — мирных соглашений комунизма с капитализмом».

Стихотворения Г.Я. Башкирцева¹¹ наследуют идеологический дискурс «Программы мира». Это «наивная» гражданская лирика, в которой много внимания уделяется фигурам советских вождей и героев: есть стихотворение, посвященное маршалу Жукову, и еще два, посвященных Крупской. Образ Надежды Константиновны в стихах Башкирцева неразрывно связан с женским / материнским началом. Она хранительница очага, верная подруга и жена вождя, защитница всех советских матерей и детей. Как и в случае с Лениным, мы наблюдаем значительное упрощение образа его супруги. В стихотворениях Башкирцева образ Крупской представлен в народно-наивном ключе: она утрачивает функцию педагога-теоретика, ее забота о «советских детях» — простая житейская помощь (правда, осуществляемая в масштабах всей страны): «Трудовой народ освободила, / Крупную дала ребёнку, / Надежду к жизни народу создавала / И всем детям дала / Чистую белую пеленку».

Образ Н. К. Крупской нельзя назвать самостоятельным: несмотря на то что стихотворения посвящены лично Крупской, она везде в первую очередь является женой вождя. Зачастую обращение автора к ней перерастает в обращение к обоим супругам: «Защитники вы оба-два, / Вас не забудем никогда». В прозаических текстах Башкирцева наблюдается и обратное явление — образ Ленина оказывается неразрывно связан с образом Крупской: «Я люблю трудовой народ всех стран как любил его В.И. Ленин-Крупская. Я имею жалость ко всему народу и ко всем детям — какую имел жалость Ленин-Крупская¹²». Автор стихов приносит своего рода «клятву в верности» заветам первых советских вождей: лирический герой, продолжатель дела Ленина и Крупской, говорит о трудностях, которые встают у него на пути и которые он стойко преодолевает.

Образ Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова в каком-то смысле противоположен об-

разу сочувствующей «всем детям» жены вождя. Маршал в посвященном ему стихотворении описывается как «отец солдат», который жалеет каждого бойца, но должен преодолевать в себе эту жалость, чтобы спасти страну: «Трудно было ведь тебе / Георгий дорогой. <...> / Трудно даже мне описать, / Как люди помирали за людей. / И очень было трудно приказы издавать, / Не жалея жизни, выполнять — уничтожать врага / И наступать скорей».

Стихотворные и прозаические тексты Г.Я. Башкирцева насыщены яркими образами-символами, некоторые из которых явно тяготеют к устойчивым мифологемам. Так, образ врага появляется в его произведениях в нескольких разных вариантах — это «пираты» (т.е. те, кто ведет человечество к уничтожению, руководствуясь только личными целями) или «крокодилы» (образ врагов-«крокодилов» возникает в тексте обращения к делегатам Всемирного собрания, а также в стихотворении, посвященном маршалу Жукову, и должен подчеркивать «звериную» сущность врага). Многие символы, появляющиеся в текстах Башкирцева, так или иначе связаны с традиционной крестьянской культурой: это Мать с семьей детьми, белые голуби («предвестники Мира»), белый конь (автор трактует этот образ как «справедливый законопроект Всемирного собрания» и одновременно как символическое обозначение крестьянского труда), золотая Заря (грядущий «золотой век»).

Гражданская лирика и рукописи-манифесты Г.Я. Башкирцева — особый тип текстов, которые демонстрируют оригинальное преломление советского идеологического дискурса в народном сознании. В данном конкретном случае результат творческого процесса оказывается особо интересен для исследователя еще и потому, что автор не был скован ни внешней, ни внутренней цензурой и мог выражать свои идеи самым непосредственным образом.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ РУКОПИСИ Г.Я. БАШКИРЦЕВА

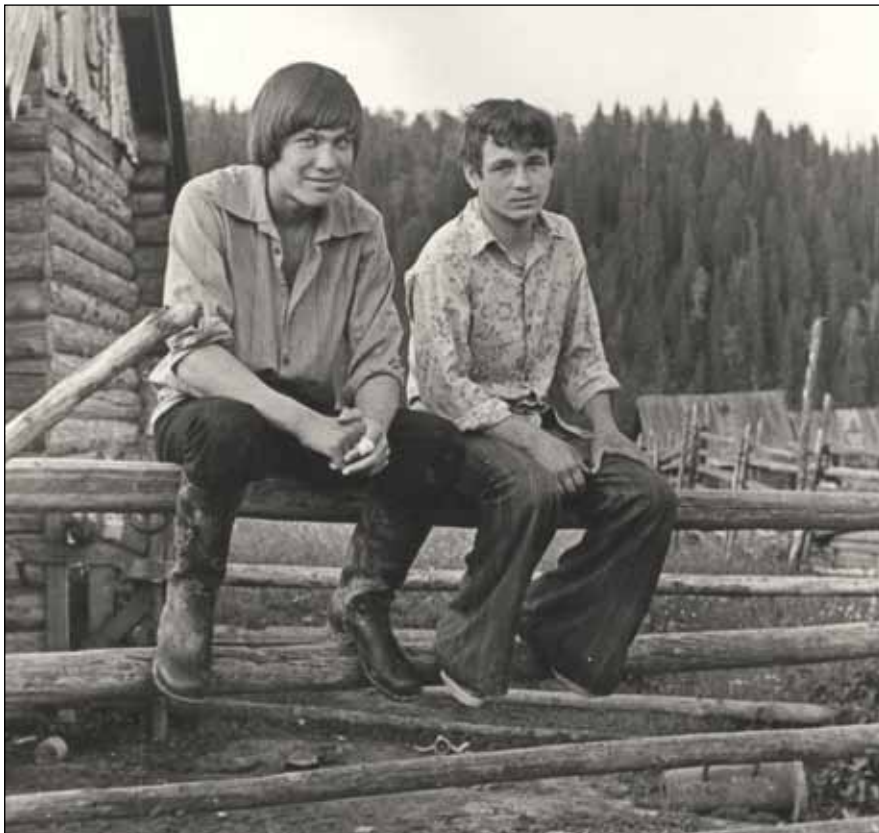
За народ, за правду я страдаю
Что мне будет впереди —
Об этом я и сам не знаю.
Но только лишь бы без нужды,
Без вражды и без войны.
Народу жизни я желаю.

Судите за то, что пишу!
Стреляйте за то, что страдаю!
Я счастья и мира народу хочу
Проклятья врагам посылаю.

За что презирают меня,
Об этом я и сам не знаю.
За то, что писателям
Я — мир и счастье людям завещаю.

Г.Я. Башкирцев.

Сельская молодежь на досуге. 1970-е гг. Фото из архива Словарного кабинета филологического факультета ПГНИУ

Стихотворение, сложенное в честь Маршала Сов. Союза Георгия Константиновича Жукова

Честь и слава вам, герой
Сердечно вас желал бы увидеть.
Цветет тот край родной
За который вы ходили воевать.
В честь вашего героизма на фронте
Я сложил стихотворение,
Когда коварный враг всех стран
Ты вел бесстрашно наступление.
Где ты учился Армию вести
Под страхом смерти и огня?
И все тебе пришлось перенести.
Каждый русский человек
С честью вспоминает тебя.
Ты армию любил и вдохновлял
В планах сражений задумывался глубоко.
Ты день и ночь с армией не спал,
Когда звериный враг наступал жестоко
И в нашу великую страну
Вклинился далеко.
Трудно было ведь тебе
Георгий дорогой.
Быть гениальным командующим в войне
Когда начался неравный смертельный бой.
Трудно даже мне описать,
Как люди помирили за людей.
И очень было трудно приказы издавать,
Не жалея жизни, выполнять —
уничтожать врага
И наступать скорей.
Под твоим командованием в боях
Шли армии бойцов и командиров.
Не было страсти в русских бойцах
От страшного рычания
Ползучих крокодилов.

Крокодилы ползут и грызут
Наш народ безвинный
Но враги все равно пропадут
И получают орден могильный.
Ползут воюющие «тигры» по русской
землице
Стремившиеся розмять весь русский
народ
Был издан приказ из родной столицы
Уничтожить все «тигры», и наступать,
и освободить народ.
«Тигры» воют, рычат и горят.
Приказ, изданный, Жуков, тобою.
Бойцы ведь с тобою, как с отцом говорят,
Что готовы к любому с тиграми бою.
Вот черные вороны стаи летят,
Страсть и панику всем создают.
Враги меж собою тайком говорят:
Советские армии от страха умрут.
(конца нет)¹³
Г.Я. Башкирцев.

«Заря»

Истомилась душа, изболела,
И наполнилось сердце тоской.
Жизнь в страданиях в селе надоела,
Все усталые ищут покой.

Загорись же, Заря золотая,
И усталых людей озари.
Отдохнет в них душа пусть больная,
Ты их светом любви одари.

Под твоим пусть румянцем восхода
Скинет с сердца тоску и печаль
Отдохнет пусть душа у народа
И невзгоды все скроются вдаль.

Выходи же, скорей, золотая,
Беспросветную мглу уничтожь
И пусть в сердце молитва святая
Сгонит нечистую, скверную ложь.

Выходи же скорей, золотая,
Счастливой жизнью всех одари.
Люди, сил и души не жалея
Для прекрасной христовой зари.

Башкирцев Г.Я.

Стихотворение, сложенное в честь нашей хорошей и милой защитницы всего человечества, верной жены и супруги нашего Великого Вождя В. И. Ульянова-Ленина Н. К. Крупской

Родилась ты и все жила,
Стремилась освободить народы.
От мучительного зла,
От роскошной вражеской породы.

Вместе с мужем шла
Одной заваленной тропой.
И всех людей вела
К справедливой жизни за собой.

Расчищала путь словами
И с любовью, страдающих в труде
Ты шла в стране вместе с нами
И сражалась с врагами
Преодолевая трудности везде.

Была самый наилучший Народный
Комиссар социального обеспечения
Всего русского трудового народа.

Н. К. Крупская

Жена того, кто защищал народ,
Он был суров ко врагам.
И много-много создавал свобод
Дорогим крестьянским мужикам.

Трудовой народ освободила,
Крупку манную дала ребенку,
Надежду к жизни народу создавала
И всем детям давала
Чистую белую пеленку.

А женщинам, которые в труде
Освобождение издавала ты
В своем декрете
И достойной защитницей была

В стране с мужем со своим
Дорогим жила
В сердечном ты совете.

Советовали вы совместно,
Как справедливую жизнь
Создать народу.
Даже в мире было всем известно
Про вашу милую свободу.

Той свободы не встречали никогда.
Уж не воротить уже вас из гроба.
Без вас придется страдать, молчать.
К трудовым людям любимые были.
Защитники вы оба-два.
Вас не забудем никогда.

Разлучилась ты с мужем со своим
И преданной осталась женой-вдовой.
Мы все вам чувства отдадим
В том, что ты была любима в нам.
А он для всех был дорогой.

Прощай, надежда и любовь!
Едины чувства к Ленину навеки.
По земле разольётся человеческая кровь.
Без Ленина, поверьте — безумны
человеки.

Н. К. Крупская своих детей не имела,
Об чужих заботилась сердечно.
Женщине с ребенком на руках
Всё создать она велела.
Женщины тяжелого труда,
Помните Надежду Крупскую сердечно.

Надежды к жизни больше уж не будет.
Она ушла от нас навеки.
Но трудовой народ ее ведь не забудет.
Поверьте, хитры, безумны человеки.

Иду по вашей правильной пути,
Хотя и очень трудно мне.
Без вас нам больше счастья не найти
На всей измученной, истерзанной земле.

Жизнь тому, кто хитростью живет.
Кто правду вашу ненавидит.
А кто трудится — тот безответным
и умрёт,

Лишь потому что он никого,
Никогда не поработает и не губит.

На вашем пути пока стою,
От вражьи бурь уже шатаюсь.
Но я, как вы, народ люблю,
Хотя уже я всего лишаяюсь.

Примечания

¹ Полевой дневник вели студентки И. Новикова и О. Гордеева; запись датирована 11.07.1984 г.

² К сожалению, из-за недостатка времени в полевом дневнике была скопирована только небольшая часть рукописей Г. Я. Башкирцева (их общий объем составлял примерно 440 страниц).

³ Косвенным подтверждением гипотезы о «передаче ребенка» является тот факт, что Г. Я. Башкирцев в ряде случаев подписывался другой фамилией, именем и отчеством (типа «Щербаков Петр Кузьмич»). К сожалению, в дневник практики эти записи не были скопированы.

⁴ Известно, что традиционной культуре присущи механизмы, позволяющие интегрировать персональный опыт различного рода пограничных состояний (шаманская болезнь, юродство, кликушество и т.п.), при этом его носители наделяются особым статусом (в более широком контексте о культурных практиках, направленных на вербализацию и семиотизацию различных болезненных состояний, см.: [7]). Возможно, подобные механизмы сработали и в случае с Г. Я. Башкирцевым. Созданные им тексты, конечно, в глазах односельчан не имели сакрального характера, но одно-

значно признавались ими как значимые. Проект «Программа мира» имел понятную российским крестьянам («колхозникам») социально-утопическую направленность; помимо этого, следует особо подчеркнуть, что он был изложен *письменно*, а стиль этого «наивного» трактата во многом воспроизводил идеологические выражения и клише, типичные для советской прессы, публичных выступлений и наглядной агитации того времени. Всё это должно было внушать односельчанам уважение и к сочинению, и к его создателю.

⁵ Здесь и далее тексты Г. Я. Башкирцева приводятся с сохранением графических выделений, орфографии и пунктуации автора.

⁶ Этот факт позволяет косвенно определить примерное время создания трудов Г. Я. Башкирцева: Д. Хаммаршёльд был Генеральным секретарем ООН с 1953 по 1961 г.

⁷ Максимальная детализация предполагаемых событий является одной из характерных особенностей «наивной» народной утопии.

⁸ К. Ворошилов — достаточно популярный персонаж пермского фольклора в Чердынском районе. В 1960–1970-е гг. фольклорные экспедиции неоднократно фиксировали тексты, описывавшие отдельные эпизоды (мытьё в бане; охота; поездки «по бабам») пребывания К. Е. Ворошилова в ссылке в Чердынском уезде.

⁹ Н. К. Крупская — также довольно популярный персонаж пермского фольклора. В 1919 г. она совершила поездку по Каме в качестве представителя Народного комиссариата просвещения на агитпароходе «Красная звезда», останавливаясь во многих населенных пунктах Прикамья, во время которого пропагандировались новые советские обряды: «комсомольское Рождество», «комсомольская Пасха» и др., являвшиеся по своей сущности кощунственными: во время церковных праздников молодежь всячески мешала молящимся и исполняла на мотивы церковных песнопений тексты явно нерелигиозного содержания (типа «Эх, полным-полна коробушка...»). Воспоминания об этих обрядах несколько раз фиксировались во время фольклорных экспедиций Пермского университета 1970–1980-х гг. Как отмечала Н. К. Крупская, задачей «Красной звезды» было «ехать по следам белых, вести агитацию, (...) закреплять всюду Советскую власть».

¹⁰ По-видимому, одним из его проявлений можно считать специфическую детскую игру в «похороны Ленина», зафиксированную в 1924–1925 гг. и уже попадавшую в поле зрения фольклористов, этнографов и антропологов, см. [1. С. 196–197, 329; 2; 5. С. 50; 6]. Во время фольклорных экспедиций в разных регионах Пермской области (Пермского края) неоднократно было зафиксировано бытование песни, начинавшейся словами: «Собирайся весь народ / Делать Ленину гробок, / Чтоб Ильич спойкойно спал, / Чтобы горюшка не знал...» Большую роль в становлении культа Ленина играла и пресса, в том чис-

ле региональная: так, в 1924 г. пермская газета «Звезда» предлагала начинающим писателям конкретные темы, среди которых была «Смерть Ильича» («сильная тема, дающая возможность рабочему художественно нарисовать картину потери вождя») [4. С. 296–297].

¹¹ С точки зрения поэтической формы стихотворения Г. Я. Башкирцева написаны в *досиллабической* системе стихосложения, характерной для народного творчества.

¹² Сближение в единое фольклорное пространство образов Ленина и Крупской характерно для наивных народных представлений. Так, в 1970-е гг. в деревнях Пермского края можно было всерьез услышать, что к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (отмечавшемуся в 1970 г.) советское правительство подготовило указ о переименовании рублей в «ленины» (или «лены»), а копейки — в «крупские», однако «зловредные американцы», как всегда, не дали этого сделать, поскольку категорически отказались обменивать свои доллары на «ленинов».

¹³ Приписано автором.

Литература

1. Богданов К. А. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.
2. Горбушина Е. Как в Вятке дети «хоронили Ленина» (архивные материалы 1925 г.) // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика: Сб. тезисов по итогам конф. студентов и аспирантов. СПб., 2014. С. 38–40.
3. Леонтьева С. Г., Лурье М. Л., Сенькина А. А. Два великих дедушки // От... и до... Юбилейный альманах в честь Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова / Сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб., 2006. С. 9–35.
4. Масальцева Т. Н. Литературные публикации пермских газет в 1920-е гг. // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Материалы III Всерос. науч. конф. Пермь, 2015. С. 294–299.
5. Маслинская (Леонтьева) С. Г. «Пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // ЖС. 2012. № 3. С. 49–52.
6. Прокофьева С., Контарович Д., Торговец Д. Дети дошкольники о Ленине / Под ред. Р. Орловой. СПб., 2007. [Репринт изд. 1924 г.].
7. Русская литература и медицина: тело, предписание, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006.
8. Шалаева Н. В. Механизм формирования образа власти в советской культуре 1920-х годов (к вопросу о культе В. Ленина) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. № 9. С. 196–200.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009а(р) «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».